

УДК 94:321.013(498.7)«1940»
ББК 63.3(4Мол)62-05

Назарія Сергій

Международная обстановка вокруг бессарабского вопроса в 1939-1940 гг. Общее и особенное в присоединении Бессарабии к СССР в сравнении с аналогичными событиями в Западной Украине, Западной Белоруссии и Прибалтийских странах

З початком Другої світової війни склалася сприятлива міжнародна ситуація для приєднання Бессарабії, Північної Буковини, Західної України, Західної Білорусії та Прибалтійських країн до радянської держави. Події 1939-1940 років мають для увійшлих до складу СРСР народів як багато спільного, так і деякі суттєві відмінності. Більшість населення Бессарабії, Буковини що відійшли від Польщі українських і білоруських земель підтримали дану дію Червоної Армії.

Ключові слова: *бессарабський питання, окупація, радянсько-румунські відносини, територіальний спір, ізоляція, претензії, безпека, угоду.*

С началом Второй мировой войны сложилась благоприятная международная ситуация для присоединения Бессарабии, Северной Буковины, Западной Украины, Западной Белоруссии и Прибалтийских стран к советскому государству. Большинство населения Бессарабии, Буковины, Прибалтики и отошедших от Польши украинских и белорусских земель на момент их включения в 1939-1940 годах в состав СССР поддержали это.

В постсоветской, румынской и западной исторической литературе за последние годы этим событиям уделено большое значение. Так в 2010 г. вышли три специальные монографические работы, опирающиеся на большой массив докумен-

© Назарія С., 2013

Назарія Сергій Михайлович – кандидат історичних наук, доктор політичних наук, доцент Державного інституту міжнародних відносин Молдови

тов и научной литературы: украинского исследователя В. Маркчука, российского историка М. Мельтюхова и молдавских авторов С. Назарии и В. Степанюка¹.

Немало внимания уделяется данной проблематике и в румынистской историографии. Среди румынских и молдавских авторов-румынистов, на работы которых мы ссылаемся в данной статье следует отметить Г. Бузату, В. Добрынеску, И. Константина, И. Шишкану. В них преобладает стремление к отражению событий с «патриотических» позиций, а Советский Союз представлен как агрессивная, экспансионистская держава, захватившая «исконно румынскую провинцию Бессарабию».

Среди представителей западной исторической науки нельзя игнорировать таких серьёзных специалистов как немец А. Хилльгрубер, англичанин Д. Делетант, израильтянин Г. Городецкий, голландец В. ван Мёрс. В целом данные авторы стоят на позициях историзма и стремятся к объективному анализу изучаемых событий, без экстраполяции сегодняшних политических и идеологических предубеждений на 1939-1940 годы.

В статье использован также обширный массив документов как советских/российских, так и румынских. В ней предпринята попытка анализа международной ситуации на начальном этапе Второй мировой войны, когда стало возможно воссоединение с СССР утраченных в 1918-1920 годах территорий. Новизна статьи состоит в том, что для достижения цели и задач широко используется румынистская литература, а также раскрываются националистические мифы румынской историографии. Новым является сравнительный анализ присоединения в 1939-1940 годы к Советскому Союзу разных территорий.

Во второй половине 30-х годов наблюдается постепенная внешнеполитическая переориентация Румынии с Франции на Германию. 18 марта 1938 г. Румыния одобрила «аншлюс» Австрии². Через полгода, будучи в Париже, король Карл II категорично заявил, что «Россия остаётся Россией, и какие бы то ни было союзы с ней, если Франция попыталась бы их нам навязать, мы порвём»³.

Всё это вело ко всё большей изоляции Румынии на международной арене. Даже накануне мюнхенской трагедии, в ответ на все попытки чехословацкого министра иностранных дел К. Крофты привлечь внимание союзников Праги по Малой Антанте к обсуждению вопроса о непосредственной, после «аншлюса» Австрии, угрозе Чехословакии, румыны не изменили своей внешнеполитической линии поведения. Немцев они постоянно заверяли, что не пропустят советские войска в Чехословакию, а к концу 1938 года прогерманский политический курс Бухареста стал ещё более наглядным⁴.

Уже после Мюнхена в одной из своих бесед с германским послом Фабрициусом король заявил, что «он лучше хотел бы видеть в своей стране немцев в качестве врагов, нежели русских в качестве друзей»⁵. Ни в одном из румынских правительственных коммюнике, опубликованных в дни Мюнхена, не нашлось ни слова осуждения в адрес гитлеровской агрессии против союзницы Румынии – Чехословакии.

Во время ноябрьских 1938 г. визитов Карла в ряд западных стран его встречи с политиками Великобритании, Франции и Бельгии носили больше протокольный характер, в то время как посещение гитлеровской Германии имело характер деловой. В Бертехсгадене он был принят фюрером и В. Кейтелем, была фактически достигнута договорённость о заключении крайне выгодного для Германии торгового договора между двумя странами⁶. По этому договору, подписанному 23 марта 1939 г. в Бухаресте, весь румынский экспорт был поставлен под немецкий контроль⁷. Таким образом, ослеплённая ненавистью к СССР, полуфеодалная румынская элита загоняла свою страну в полный внешнеполитический тупик и ставила её будущее в исключительную зависимость от фашистской Германии.

В последние предвоенные годы бессарабский вопрос открыто не поднимался в двухсторонних советско-румынских отношениях. Хотя Советский Союз никогда, с 1918 г., не признавал аннексию Бессарабии Румынией, однако приближение новой мировой войны постепенно

ставило бессарабский вопрос в плоскость практического решения. При этом румынское руководство совершенно неадекватно оценивало складывающуюся ситуацию. Так, оценивая ход московских англо-франко-советских переговоров, 21 августа 1939 г. румынский посол в Париже, сообщая об отрицательном ответе Варшавы на возможность пропуска советских войск для боевого соприкосновения с вермахтом, советовал своему правительству занять аналогичную позицию. Правда в Бухаресте «были и сами с усами»: в тот же день, в беседе с премьером А. Кэлинеску, король заявил, что на возможный англо-французский запрос о пропуске русских войск ответ будет дан, «когда будет война. Во всяком случае, необходимо, прежде всего, безоговорочное признание Бессарабии»⁸. А ещё 11 августа Карл II ответил турецкому президенту Мустафе Исмету Инёню, что ни при каких обстоятельствах не допустит пропуска Красной Армии через румынскую территорию, даже если она придёт «на помощь румынской армии»⁹.

Так называемый «пакт Молотова-Риббентропа» от 23 августа 1939 г.¹⁰ стал первым реальным сигналом подготовки решения бессарабского вопроса и он вызвал растерянность в Бухаресте. Советское руководство понимало «свою заинтересованность в Бессарабии» исключительно как её возврат и включение в состав СССР. В Бухаресте, естественно, не зная о дополнительном секретном протоколе, в целом правильно оценили возможные последствия советско-германского договора для Румынии¹¹. Как писал тогдашний министр иностранных дел Г. Гафенку, Россия «хочет вернуть свои границы периода до 1914 г., а Германия не имеет ни права, ни желания помешать ей в этом»¹².

27 августа румынское руководство вновь уверило нацистов в дружбе с ними, в качестве аргумента в пользу этого тезиса заявив, что ничего не делало в пользу улучшения отношений с советской стороной. Будущее своей страны оно видело исключительно на пути теснейших взаимоотношений с Германией. Румыния «хочет идти рука об руку с Германией в русском вопросе» и останется «нейтральной в любом конфликте между Германией

и Польшей, даже если Англия и Франция вмешаются в него». Также было обещано продолжать продавать стратегическое сырьё рейху¹³.

Начало войны в Европе, успехи Германии в Польше и бездеятельность Англии и Франции усилили стремление Румынии дистанцироваться от них. Вступление Красной Армии в Польшу привело к тому, что Бухарест, вопреки действующему польско-румынскому договору, заявил 8 сентября 1939 г. о своем нейтралитете в происходящих событиях¹⁴ и активизировал поиски союзника против Москвы среди великих держав. Для этого румынское руководство постоянно напоминало всем заинтересованным сторонам, что «на Днестре оно защищает от большевизма не только себя, но и всю европейскую цивилизацию».

Но, поскольку и Англия с Францией, и Германия с Италией заняли уклончивую позицию, румынская элита продолжила свою «политику балансирования»¹⁵. Но на практике Румыния всё более и более сползала под германское влияние. Как отметил М. Мельтюхов, «Румыния предпочла прислушаться к „дружеским” советам Германии»¹⁶.

Даже в условиях начавшейся мировой войны, румынское руководство было более всего озабочено «возможностью» румыно-советского конфликта. Так, 28 сентября оно запросило французское правительство: «Вступят ли Франция и Великобритания в войну против России? Сумеют ли они обеспечить нам эффективную помощь путём присылки эскадрилий в страну и англо-французского флота в Чёрное море?» Указание французского дипломата в Бухаресте на необходимость разгрома Германии, а не соглашения с ней, вызвало ответную реплику со стороны Гафенку: «Поражение Германии не решит проблему Европы. За спиной Германии поднялась Россия... Поэтому, после победы над Германией, потребует новая победа над Россией»¹⁷.

Таким образом, румынское руководство выступало за англо-франко-германское соглашение за счёт СССР. В этом смысле, 30 сентября румыны предложили итальянцам посодействовать нахождению компромисса между

воюющими странами, поскольку продолжение войны идёт на пользу лишь коммунизму и славянству. Бухарест вновь и вновь напоминал великим державам о том, что на Днестре именно он является «защитником европейской цивилизации» от большевизма. Естественно, что ни одна из воюющих сторон не видела в Румынии особой ценности в деле «защиты европейской цивилизации», поэтому все эти «предложения» были проигнорированы¹⁸.

К середине 1940 г. усиливается дальнейшая прогерманская ориентация внешней политики румынских правящих кругов. В результате этой политики, 28 мая с Германией был заключён «нефтяной пакт», вследствие которого вермахт получил надёжную и стабильную сырьевую базу. Тогда же Коронный совет принял решение предложить Германии «дружбу» и добиваться политического союза с ней. Однако Фабрициус посоветовал королю и Г. Гафенку урегулировать румыно-советские отношения мирными средствами¹⁹. Вскоре Гафенку подал в отставку, и на его место был назначен И. Джигурту, откровенный сторонник сближения Румынии с Германией.

Но румыны продолжали настаивать перед немцами на своём антисоветском и прогерманском курсе. Так, 20 июня премьер Г. Тэтэреску передал Фабрициусу ноту, в которой предлагал свою страну в качестве «верного союзника рейха», говоря о «всегда существовавшей общности интересов» между двумя государствами. Он отмечал, что мощь Румынии является гарантией того, что она будет в состоянии выполнить свою роль защитника Днестра и устья Дуная²⁰.

Естественно, в сложившейся международной ситуации, когда в результате гитлеровского наступления на Запад Франция и Англия надолго «выходили из игры» и в то же время основные силы вермахта были пока скованы на западе Европы, Кремль посчитал весьма разумным использовать данное положение с целью мирного разрешения бессарабского вопроса.

Параллельно с военными, Советское правительство предприняло и дипломатические усилия по окончательному разрешению территориального спора с Румынией. 23 июня оно предупредило германское правительство о сво-

их намерениях в отношении Бессарабии и Буковины²¹. Как видно из информации посла Шуленбурга в Берлин, Молотов заявил ему, что «решение бессарабского вопроса не терпит дальнейших отлагательств... Советское правительство ещё старается разрешить вопрос мирным путём, но оно намерено использовать силу, если румынское правительство отвергнет мирное соглашение»²². Немцы согласились с вхождением в состав СССР, кроме Бессарабии, ещё и северной части Буковины²³.

26 июня в 10 часов вечера министр иностранных дел СССР В.М. Молотов предъявил румынскому правительству ноту, в которой потребовал уступить Бессарабию и Северную Буковину в течение 24 часов²⁴. В ответе Молотову посланник Дэвидеску пытался оспорить советские аргументы, однако это не произвело на наркома никакого впечатления²⁵. Уже 28-29 июня эти территории де-факто вошли в состав Советского Союза. Карл II обратился за помощью к Германии, но не получил её²⁶. В этом контексте, следует заметить, что, во-первых, Гитлер никогда не стал бы воевать с кем-либо ради румынских интересов (это смешно!), а, во-вторых, он был ещё не готов к войне против СССР. Румынские власти обратились и к своим турецким, греческим и югославским союзникам, однако и с их стороны не получили никаких гарантий помощи в случае военного столкновения с СССР²⁷.

В этой связи известный германский историк А. Хилльгрубер констатирует, что «политически в бессарабском вопросе Румыния оказалась в полной изоляции»²⁸. А румын И. Константин делает вывод, что «и Берлин, и Рим дали „зелёный свет“ Московскому правительству для аннексии Бессарабии и разрушения, таким образом, территориальной целостности Румынии»²⁹.

Англичане также были, в первую очередь, озабочены обеспечением собственной безопасности и «румынские проблемы» волновали их меньше всего. С этой целью важнейшей задачей являлось налаживание нормальных связей с Советским Союзом, как потенциальным союзником в борьбе с гитлеровской Германией. После пораже-

ния Франции в Москву прибыл новый английский посол Стафорд Криппс, сторонник теснейшего взаимодействия Великобритании и СССР³⁰.

14 июня 1940 г., во время своей первой беседы с новым послом, В.М. Молотов отметил, что СССР имеет особые интересы в Румынии. В Лондоне правильно поняли чего хочет Москва, поэтому в ночь с 24 на 25 июня Криппсу был выслан текст послания премьер-министра. «Криппс, – указывает официальный британский историограф второй мировой войны Л. Вудвард, – был проинструктирован уклоняться от дискуссий о Бессарабии. Если необходимо, он мог сказать, что наше отношение в значительной мере будет зависеть от турецкой позиции. Если будут упомянуты балтийские государства, сэр Криппс должен будет высказать убеждение, что недавние действия Советского правительства были вызваны „величиной и размахом” немецкой военной опасности, сегодня угрожающей России, что и действия Советского правительства можно считать мероприятиями по самозащите»³¹.

В этом контексте, украинский исследователь Владимир Макаручук отмечает, что «с Великобританией, „гарантом” румынских границ, торг [СССР] за Бессарабию начался скорее, чем с Германией, и проходил куда легче». А уже 22 октября 1940 г. английское правительство направило советскому руководству Меморандум, в котором отмечалось, что «британское правительство признаёт де-факто суверенитет СССР в Прибалтике, Бессарабии, Западной Украине и Западной Белоруссии»³².

А вот как комментируют англосаксонскую позицию румынские историки В. Фл. Добринеску и И. Константин: «Английская реакция на аннексию Бессарабии, Северной Буковины и района Герца выразила безразличие и пассивность... В то драматическое для румынского народа время Англия нашла „оправданными” советские и болгарские претензии на важнейшие части румынской территории и желала румыно-венгерского столкновения, которое де-факто вывело бы СССР к Карпатам и спровоцировало бы советско-германский конфликт... Реакция американских

властей в отношении трагических событий, свалившихся на Румынию в конце июня 1940 года, выразилась в „молчаливом согласии”, что не могло не повлиять и на общественное мнение этой страны»³³.

И. Константин осведомляет читателя, что «вся английская пресса, – информировал Бухарест В.В. Циля [посол Румынии в Великобритании – С.Н.], – „приветствует успех русской дипломатии в отношении вступления в Румынию”. Эти издания пришли к выводу, что данная акция „не имеет антианглийской направленности, а, напротив, будет иметь катастрофические последствия для Германии и Италии, если возрастет русское влияние на Балканах”. Такие газеты, как „New Chronicle” и „Daily Herald”, считали претензии Советского Союза к Румынии „справедливыми”»³⁴.

Г. Городецкий, оценивая эти события, отмечает, что «мотивы поведения Сталина обуславливались в первую очередь чистой Realpolitik... Оккупация Бессарабии и Северной Буковины в конце июня 1940 г. была скорее результатом желания обезопасить себя на Балканах и побережье Черного моря, чем следствием ненасытного аппетита русских, как это часто представляют в литературе. Экспансия per se была лишена всякого идеологического мотива... Распространение советской системы безопасности на устье Дуная создавало необходимую глубину обороны для Севастополя и Одессы, находившихся всего лишь в 40 км от румынской границы... Оккупация Северной Буковины также мотивировалась стратегическими соображениями. Она принесла Сталину контроль над главными железными дорогами между Украиной и Бессарабией через Черновцы и Львов... Королю Каролю было настоятельно рекомендовано уступить Бессарабию без сопротивления»³⁵.

В румынской историографии события июня 1940 года интерпретируются исключительно отрицательно³⁶. В румынской националистической историографии о XX-м веке тенденция к реалистическому освещению и анализу действительности присутствует лишь относительно, зато господствует стремление к отражению событий с «патриотических» позиций. Другими словами, главной задачей

большинства румынских историков контемпоранистов является не выяснение исторической истины, а внедрение в умы ультранационалистической концепции румынизма. Даже с точки зрения «профессионально-технической», доминирует линия на прямое игнорирование фактов, не вписывающихся в идею «румынского патриотизма» и, одновременно, сильно преувеличивается фактологический аспект, «подтверждающий» румыно-националистические мифы.

«В контексте написания румынской истории „объективность“ понимается как „соответствие румынским национальным интересам“, а это означает, что мои выводы могут разочаровать румынских читателей»³⁷, – сетует ван Мёрс. Наверное, г-н Мёрс не сильно ошибался, когда писал, что «его выводы разочаруют» слишком многих румынских историков и молдавских историков румыно-унионистской ориентации. И, к сожалению, данный вывод действителен в целом для румынской исторической науки всего новейшего времени, во всяком случае, он верен в отношении работ, прямо или косвенно анализирующих бессарабский вопрос.

В румынской историографии делаются также попытки доказать, что события 28 июня 1940 г. являются прямым следствием пакта Молотова-Риббентропа. Де-юре – это не так, так как подписанные документы не содержали ничего по поводу раздела территорий³⁸. Де-факто – частично это так, поскольку в них идёт речь об «интересе» сторон в отношении ряда территорий. Но, опять-таки, вхождение Бессарабии в состав СССР не являлось прямым результатом советско-германского соглашения. «28 июня» стало возможным благодаря коренному изменению международной конъюнктуры. Кроме того, не следует забывать, что данное событие стало следствием 22-летней борьбы советской дипломатии за возврат Пруто-Днестровской Молдовы в состав советского государства. Но даже если предположить, что указанный договор имел по отношению к Бессарабии реальное (или юридическое) значение, 22 июня 1941 г. он утратил силу в результате нападения фашистской Германии и её союзника Румынии на СССР.

Однако, политическое руководство Румынии капитулировало и отдало эти провинции, которые считало «исторически своими»³⁹, без малейшего, пусть символического, сопротивления. То, что не защищаешь, более тебе не принадлежит.

Что касается оценки бессарабских событий 1940 г., известный молдавский историк-румынист, а в недавнем «славном» прошлом ортодоксальный марксист, А.К. Мошану, в опубликованной в престижном историческом журнале рецензии, убедительно опровергает «утверждения... о том, что переход королевской Румынии на сторону фашистской Германии был результатом советской ноты от 26 июня 1940 г.», называя их «лишёнными всякого основания. В ноте, как известно, Советское правительство потребовало немедленного мирного урегулирования вопроса о Бессарабии и Северной Буковине, захваченных буржуазно-помещичьей Румынией в 1918 году»⁴⁰. Заметьте, в 1984 г. обо всём этом профессору Мошану было «известно», а сегодня «нет»!

В подтверждение своего тезиса, направленного против «западных фальсификаторов», он утверждает, что «с конца мая 1940 г. режим королевской диктатуры принимает решение перейти на сторону фашистской Германии. А 20 июня 1940 г. Тэтэреску вручил германскому послу в Бухаресте меморандум, в котором содержалось предложение заключить военный союз. Кароль II, инициатор этого союза, поспешил завершить процесс фашизации страны, начатый ранее: фашистская идеология была провозглашена духовной основой государства»⁴¹.

А вот как рецензент оправдывает вхождение Бессарабии в состав СССР геополитическими соображениями, а также необходимостью крепить его безопасность: «Превращение королевской Румынии в фашистское государство, стремившееся заключить союз с гитлеровской Германией, направленный против Советского Союза, представляло серьёзную опасность для нашей страны. Было ясно, что Румыния становится предмостным укреплением рейха, готовившегося к войне против СССР. В этих усло-

виях Советская страна не могла мириться с дальнейшим порабощением Бессарабии и Северной Буковины и с перспективой появления гитлеровских войск на берегу Днестра, вблизи жизненно важных промышленных районов Советской Украины. Всё это и обусловило появление упомянутой ноты»⁴².

Естественно, сегодня сложно точно сказать, о чём думали все бессарабцы в 1940 г., но только в составе Румынии не желали остаться. Данный вывод подтверждается хотя бы следующим фактом: на 8 июля 1940 г. в румынской армии в бегах числились 61970 солдат и офицеров⁴³. Подавляющее их большинство были бессарабцами.

Объективные цифры и исторические факты говорят сами за себя. В абсолютном своём большинстве бессарабцы вовсе не считали себя «румынами», а считали оккупированным и ограбленным румынами населением. Вот почему, за самым небольшим исключением (местные коллаборационисты, связанные с оккупантами), из Бессарабии в 1940 г. бежали исключительно «рэгецане» (жители Старого королевства), пришедшие на эти земли в качестве оккупантов, – чиновники и бюрократия, офицерство и жандармы, колонисты и священники, землевладельцы и банкиры, а также солдаты, введенные в край из самой Румынии. Всем этим людям действительно нечего было делать тут после освобождения края от оккупации.

* * *

Что же общее и что особенное в процессе присоединения Бессарабии к советскому государству по сравнению с западно-украинскими и западно-белорусскими землями⁴⁴, также вошедшими в состав Советского Союза в 1939 году и включением в СССР Прибалтийских стран летом 1940 года?

Во-первых, все эти территории объединяет тот факт, что, за исключением Галиции и Буковины, до 1918 года они входили в состав России. Хотя, в этом смысле, ряд западных областей современной Украины именно этим и отличаются от остальных включённых в состав СССР в 1939-1940 гг. территорий, что они со времён Киевской Руси более никогда до этого момента не являлись частью России.

Во-вторых, общим является тот факт, что большинство населения Бессарабии и отошедших от Польши украинских и белорусских земель на момент их включения в состав советского государства поддержали данное действие Красной Армии. И хотя в историографии на этот счёт существуют довольно отличные мнения, судя по всему и большинство населения Прибалтийских республик в конце июня – начале июля 1940 года также поддерживало идею вхождения своих государств в состав Советского Союза.

В-третьих, и это принципиально, вхождение или не вхождение Бессарабии, Западной Украины, Западной Белоруссии, Эстонии, Латвии и Литвы в состав СССР ни в малейшей степени не зависело от воли или желания их народов. Даже если этот акт и выражал на тот момент умонастроения большинства населения этих территорий, его реализация всецело зависело от решений советского сталинского руководства.

В-четвёртых, начавшиеся во всех вновь приобретённых советских западных республиках «социалистические преобразования», проходили по единому образцу: все они, в первую очередь, опирались на насилие и навязывались союзным центром⁴⁵.

В-пятых, в результате этих «преобразований», уже через несколько месяцев после «воссоединения с Советской Родиной» резко изменились умонастроения людей. У значительной части граждан, включённых в СССР в 1939-1940 гг. накануне гитлеровской агрессии и начала Великой Отечественной войны резко усилились антисоветские настроения.

Правда, в этом смысле, у граждан Молдавской ССР (как в принципе и у жителей Северной Буковины и Западной Белоруссии) (это, в первую очередь, касается крестьянства), в отличие от их сограждан из Западной Украины и Прибалтики, эти настроения были направлены против существующего режима, но не имели сепаратистского характера, т.е. не ориентировались на выход из СССР. В подавляющем своём большинстве жители Молдовы продолжали ощущать себя советскими гражданами и выступали за неразрывное единство своей республики с Россией, воспринимая последнюю как свою «большую родину» (Молдавию как «малую родину»)⁴⁶.

В-шестых, объединяет вхождение Западной Украины, Западной Белоруссии, Северной Буковины и Бессарабии в единое советское государство ещё тот факт, что это привело в воссоединению в рамках советских национальных республик украинского, белорусского и молдавского народов.

Однако при всей схожести обстоятельств и методов при которых после начала второй мировой войны данные территории были включены в состав СССР, в каждом отдельном случае имеются и отличия, некоторые весьма существенные.

Во-первых, статус Прибалтийских республик (как независимых государств) и западно-украинских и западно-белорусских земель (в составе Польши) был признан всем мировым сообществом, в том числе и Советским правительством. В то же время статус Бессарабии в составе Румынии де-юре никем в мире не признавался (де-факто, до июня 1940 г. он признавался Англией, Францией, Италией, Японией, союзницами Румынии по Малой Антанте и Польшей). Советское правительство считало Бессарабию советской территорией, а её жителей – советскими гражданами.

Во-вторых, на всём протяжении межвоенного периода среди бессарабцев (и, наверное, буковинцев) господствовали пророссийские и просоветские настроения, чего, по всей видимости, нельзя сказать о прибалтийцах и западных украинцах.

В-третьих, если национально-государственный статус присоединённых к СССР молдаван, украинцев и белоруссов возрос – они получили свою собственную, пусть и ограниченную в составе советского многонационального государства, но национальную государственность в форме союзной республики (квазигосударственность), то для прибалтийских народов всё было с точностью до наоборот. Эстония, Латвия и Литва утратили свою государственную независимость и понизили свой статус до союзной советской республики. Насколько это произошло в тех условиях «добровольно» – это дискуссионный вопрос.

Даже если принять точку зрения, что в случае их не включения в состав Советского Союза, они были бы поглощены гитлеровским рейхом (а это не вызывает ни ма-

лейших сомнений ни у одного серьёзного исследователя ни в одной стране мира), поэтому их вхождение в СССР явилось «наименьшим злом», то и тогда не может идти речь о добровольности вступления Эстонии, Латвии и Литвы в единое советское государство, так как главную роль в этом сыграли геополитические и геостратегические обстоятельства.

Понятно, что если бы не нацистская угроза, большинство населения Прибалтийских стран ни при каких обстоятельствах не отказалось бы «добровольно» от государственной независимости. В этом смысле говорить о добровольности можно только в случае вхождения этих трёх бывших советских республик в Евросоюз.

Что же касается Бессарабии, Буковины и в значительной степени Западной Украины и Западной Белоруссии здесь ситуация была принципиально иной: подавляющее большинство молдаван не желало оставаться в составе Румынии, а подавляющее большинство украинцев и белорусов – в составе Польши и Румынии.

По всей видимости, в-четвёртых, немаловажное значение при оценке этих событий имеет культура и ментальность народов. Так молдаване, как и русские являются православными, русский (древнеславянский/русинский/украинский) язык существует на нашей земле более тысячи лет и геополитически молдаване ещё с эпохи средневековья (с момента возникновения молдавского государства) были ориентированы на Россию⁴⁷.

В этом смысле, прибалты в культурно-ментальном плане всегда ориентировались на Запад, а литовцы и геополитически (в средние века на Польшу). Говорить о геополитической ориентации эстонцев и латышей сложнее, так как у них до 1918 года никогда не было собственной государственности и своей политической элиты (последняя была немецкой и начиная с 18 века ориентировалась на Россию).

Определённым образом и западные украинцы (за исключением буковинцев) в этом плане скорее ближе к прибалтам, чем к молдаванам.

Таким образом, события 1939-1940 годов имеют для вошедших в состав СССР народов как много общего, так и некоторые существенные отличия.

Примечания:

¹ Макарчук В. Государственно-территориальный статус западно-украинских земель в период Второй мировой войны. М., 2010; Мельтюхов М.И. Бессарабский вопрос между мировыми войнами. 1917-1940. М., 2010; Nazaria S., Stepaniuc V. Problema Basarabeană și interpretările ei în istoriografie: de la apariție la Tratatetele de la Paris (1917-1947). Chișinău, 2010.

² Лебедев Н.И. «Железная гвардия», Кароль II и Гитлер. (Из истории румынского фашизма, монархии и её внешнеполитической «игры на двух столах»). М., 1968. С. 186.

³ Ibid. С. 149; Язькова А.А. Румыния накануне второй мировой войны. М., 1963. С. 176.

⁴ Язькова А.А. Румыния накануне второй мировой войны. С. 252; Лебедев Н.И. «Железная гвардия», Кароль II и Гитлер. С. 197-198, 204-205; Колкер Б.М. Румынское правительство и мюнхенский сговор. // Балканский исторический сборник. Вып. 1. Кишинёв, 1968. С. 239; Шевяков А.А. Советско-румынские отношения и проблемы европейской безопасности 1932-1939. М., 1977. С. 283; Шевяков А.А. Внешняя политика Румынии после Мюнхена (октябрь 1938 г. – апрель 1939 г.). // Новая и новейшая история, 1968, № 5. С. 27-33; Год кризиса. 1938-1939. Документы и материалы. Т. 2, М., 1990. С. 382, 385-386.

⁵ Язькова А.А. Румыния накануне второй мировой войны. С. 253.

⁶ Ibid. С. 254-255.

⁷ История второй мировой войны. Т. 2. М., 1974. С. 123, 448-449.

⁸ Мельтюхов М.И. Бессарабский вопрос между мировыми войнами. С. 203; Шорников П.М. Бессарабский фронт. Кишинёв, 2010. С. 205.

⁹ См.: Шевяков А.А. Советско-румынские отношения. С. 339-346.

¹⁰ Год кризиса, док. №№ 602, 603; анализ советско-германского договора см.: Назария С.М. История без мифов. Вторая мировая война: генезис, ход и итоги. Кишинёв, 2010. С. 75-94.

¹¹ Scurtu I. Istoria României în anii 1918-1940. Evoluția regimului politic de la democrație la dictatură. București, 1996. P. 179.

¹² Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. Документы и материалы. М., 1996. С. 321-322.

¹³ См.: Мельтюхов М.И. Бессарабский вопрос между мировыми войнами. С. 204.

¹⁴ Hillgruber A. Hitler, regele Carol și mareșalul Antonescu. Relațiile germano-române (1938-1944). București, 1994. P. 91.

¹⁵ Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939-1941 (Документы, факты, суждения). М., 2000 (militera.lib.ru/research/meltyukhov/index.html).

¹⁶ Мельтюхов М.И. Бессарабский вопрос между мировыми войнами. С. 207.

¹⁷ Ibid. С. 208.

¹⁸ См.: ДВП СССР. Т. XXII. Кн. 2. М., 1992. С. 153-154.

¹⁹ Buzatu Gh. România cu și fără Antonescu. Iași, 1991. P. 84; Bărbulescu M., Deletant D., Hitchins K., Papacostea Ș., Todor P. Istoria României. București, 1998. P. 448.

²⁰ См.: Колкер Б.М., Левит И.Э. Внешняя политика Румынии и румыно-советские отношения (сентябрь 1939 – июнь 1941). М., 1971. С. 105, 106, 107.

²¹ См. документы: Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. С. 323-324, 343-346.

²² Ibid. С. 323, 343.

²³ Șișcanu I. Basarabia în contextul relațiilor sovieto-române. 1940. Chișinău, 2007. P. 79-85; Pactul Molotov – Ribbentrop și consecințele lui pentru Basarabia. Culegere de documente. Chișinău, 1991. P. 8-11; Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. С. 344-348, 357, 359, 360.

²⁴ См.: Basarabia. 1940. Chișinău, 1991. P. 32; Documente privind istoria României între anii 1918-1944. București, 1995. P. 529, 530; Șișcanu I. Raptul Basarabiei. 1940. Chișinău, 1993. P. 29; Șișcanu I. Basarabia în contextul relațiilor sovieto-române. P. 85-111; Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. С. 324, 348-349.

²⁵ Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. С. 354-356; Dobrinescu V. Fl. Bătălia diplomatică pentru Basarabia. 1918-1940. Iași, 1991. P. 215-216.

²⁶ См.: Tătărescu Gh. Mărturii pentru istorie. P. 236-237; Buzatu Gh. România cu și fără Antonescu. P. 85-86; Dobrinescu V. Fl. Bătălia diplomatică pentru Basarabia. P. 154; Șișcanu I. Basarabia în contextul relațiilor sovieto-române. P. 98; Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. С. 358-359.

²⁷ См.: Cretzianu A. Ocazia pierdută. Iași, 1998. P. 235-236; Dobrinescu V. Fl. Bătălia diplomatică pentru Basarabia. P. 154-155; Constantin I. România, Marile puteri și problema Basarabiei. București, 1995. P. 77.

²⁸ Hillgruber A. Hitler, regele Carol și mareșalul Antonescu. P. 97.

²⁹ Constantin I. România, Marile puteri și problema Basarabiei. P. 69.

³⁰ Севостьянов П.П. Перед великим испытанием: Внешняя политика СССР накануне Великой Отечественной войны. Сентябрь 1939 – июнь 1941. М., 1981. С. 180.

³¹ Цит. по: Макарчук В. Государственно-территориальный статус западно-украинских земель в период Второй мировой войны. С. 223 (со ссылкой на: Woodward L. British Foreign Policy in the World War. Vol. 1. London, 1970. P. 466).

³² Ibid. С. 223, 224-225.

³³ Dobrinescu V. Fl., Constantin I. Basarabia în anii celui de-al doilea război mondial (1939-1947). Iași, 1995. P. 177, 178, 179.

³⁴ Constantin I. România, Marile puteri și problema Basarabiei. P. 98.

³⁵ Городецкий Г. Роковой самообман: Сталин и нападение Германии на Советский Союз. М., 2001 (militera.lib.ru/research/gorodetsky_g/index.html).

³⁶ Constantiniu Fl. Dictatul de la Moscova (26-28 iunie 1940) și relațiile sovieto-germane. // Revista istorică. Academia Română. 1992, Nr. 1-2. P. 17; Constantinescu Ș. Eliberarea Basarabiei și Bucovinei de Nord. 33 de zile de vară. // Historia. Revistă de istorie. 2006, Nr. 12. P. 52; Kirișescu C.I. România în al doilea război mondial. Vol. 1. București, 1996. P. 123; Dobrinescu V. Fl., Constantin I. Basarabia în anii celui de-al doilea război mondial. P. 56; Șișcanu I. Raptul Basarabiei, P. 3; Șișcanu I. Basarabia în contextul relațiilor sovieto-române. P. 96, 102, 104-105, 108-109, 111, 112; Tătărescu Gh. Mărturii pentru istorie. P. 258; Constantin I. România, Marile puteri și problema Basarabiei. P. 89.

³⁷ Meurs W.P. van. Chestiunea Basarabiei în istoriografia comunistă. Chișinău, 1996. P. 409.

³⁸ См.: Год кризиса, док. №№ 602, 603.

³⁹ *Diplomația cotropitorilor. Culegere de documente.* P. 150; Basarabia. 1940. P. 51-52, 53-55.

⁴⁰ Лунгу В.Н., Мошану А.К. И.Э. Левит Участие фашистской Румынии в агрессии против СССР. (1.IX.1939 – 19. XI. 42). 1981; его же Крах политики агрессии диктатуры Антонеску (19. XI. 42 – 23. VIII. 44). 1983. Кишинёв. Штиинца. // Вопросы истории, 1984, № 5. С. 126.

⁴¹ Ibid.

⁴² Ibid. С. 127.

⁴³ См.: Платон В.П. Против фашизма, за воссоединение с Советской Родиной. 1934-1940. Кишинев, 1983. С. 181; Șornikov P. *Moldova în anii celui de-Al doilea război mondial.* Chișinău, 2013. P. 47.

⁴⁴ См.: Борисёнок Ю.А. Изменения границ на пространстве бывшей Российской империи в 1939-1940 гг.: тенденции и исключения. // Июнь 1940-го. Бессарабия и Северная Буковина в составе СССР. Материалы международной научно-практической конференции. М., 2010.

⁴⁵ О сути и характере сталинского режима написаны сотни и тысячи трудов. Мы предлагаем читателю ознакомиться с работами на эту тему некоторых молдавских историков. // См.: Пасат В. Трудные страницы истории Молдовы (1940-1950). М., 1996; Beniuc V. *Instituționalizarea puterii politice totalitare în Moldova postbelică.* Chișinău, 1998; Stepaniuc V. *Statalitatea poporului moldovenesc.* Chișinău, 2005; Pasat V. *Calvarul. Documentarul deportărilor de pe teritoriul R.S.S. Moldovenești.* М., 2006; Pasat V. *RSS Moldovenească în epoca stalinistă.* Chișinău, 2011.

⁴⁶ Подробнее см.: Șornikov P. „Moldova în anii celui de-Al doilea război mondial”. Chișinău, 2013. P. 78-85, 164-298, 388-392.

⁴⁷ Подробнее см.: Шорников П.М. Молдавская самобытность. Тирасполь, 2007.

Sergiu Nazaria

The international situation around the Bessarabian question in 1939-1940. General and specific in the annexation of Bessarabia to the Soviet Union in comparison to similar events in the Western Ukraine and Western Belarus and the Baltic countries

With the beginning of the Second World War there was a favorable international situation for accession of Bessarabia, Northern Bukovina, the Western Ukraine, the Western Belarus and the Baltic countries to the Soviet state. The events of 1939-1940 have to joined the Soviet peoples as much in common as well as some significant differences. The majority of the population of Bessarabia, Bukovina and the departed from Poland Ukrainian and Belarusian lands at the time of their inclusion in structure of the Soviet state supported the actions of the Red Army

Keywords: *Bessarabian question, occupation, the Soviet-Romanian relations, territorial dispute, isolation, claims, security, agreement.*

Надійшла до редколегії 15.05.2013 р.